

"РАЗДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ" — понятие, предложенное философией постмодернизма (см. Постмодернизм) в контексте анализа проблемы соотношения языка (см. Язык) и власти (см.

Власть) и фиксирующее феномен дифференциации статуса языковых структур по отношению к властным структурам, порождающий различные типы дискурсивных практик (см. Дискурс). Следует отметить, что в данном контексте речь идет о власти как объективированной и институционализированной в соответствующих социальных структурах: о Власти — "ее многочисленных государственных, социальных и идеологических механизмов" (Р.Барт) — в отличие от широко анализируемого в философии постмодернизма феномена власти языка как такового (см.

Анти-психологизм, Игра структуры, "Смерть Автора", Эротика текста). Понятие "Р.Я." введено Р.Бартом (см. Барт) в работах "Разделение языков" и "Война языков" (1973).

Согласно концепции Р

.Барта, теоретически возможно лишь два альтернативных варианта соотношения власти и языка: сотрудничество языка с властью и его оппозиция по отношению к ней, — языковой нейтралитет в отношении власти, по Р.Барту, оказывается в принципе невозможным, — "одни языки высказываются, развиваются, получают свои характерные черты в свете (или под сенью) Власти... Другие же языки вырабатываются, обретаются, вооружаются вне Власти и/или против нее". В терминологии Р.Барта языки первого типа обозначаются как "энкратические языки" (которым соответствуют "энкратические виды дискурса"), языки же второго типа — как "акратические" (и — соответственно — "акратические виды дискурса"). (При этом важно, что концепция "Р.Я." Р

.Барта далека от непосредственного изоморфного соотнесения властной языковой структуры как результата "Р.Я.", с одной стороны, и социальной структурой социума как продукта его классовой дифференциации: "разделение языков не совпадает в точности с разделением классов, между языками разных классов бывают плавные переходы, заимствования, взаимоотражения, промежуточные звенья".) Энкратический язык, по Р.Барту, — это "язык массовой культуры (большой прессы, радио, телевидения)", а вследствие этого, что гораздо важнее и чревато куда

более значимыми последствиями, — «в некотором смысле... и язык быта»; Дискурсивная доминанта энкратического языка в культурном пространстве не только делает его всепроникающим (в бартовской оценке — «липким»), но и создает иллюзорное ощущение естественности его (а с течением времени — именно его, и наконец, в перспективе — только его) употребления.

Именно энкратический язык оказывается «языком расхожих мнений (доксы)» и в этом своем качестве воспринимается массовым сознанием естественно и натурально: по оценке Р.Барта, «выглядит как «природный»».

В этом отношении функционирование энкратического языка в культурном контексте фактически изоморфно функционированию ацентричной власти в контексте социальном — в режиме имплицитного и практически неощутимого паноптизма (см. Ацентризм). Как пишет Р.Барт, энкратический язык «весь одновременно и подспудный (его нелегко распознать), и торжествующий (от него некуда деться)».

Напротив, акратический язык, противостоящий властным структурам, всемерно избегает подобной дискурсивной натурализации, — он может быть рассмотрен как культурный феномен, в рамках которого рефлексивная компонента не только представлена, но и предельно акцентирована, — не случайно все примеры акратических дискурсов, которые приводит Р.Барт (марксистский, психоаналитический, структуралистский) почерпнуты отнюдь не из сферы повседневности, но из тезауруса концептуальных систем.

В силу теоретического характера родословной акратического языка, внутри него также неизбежна дифференциация, — «происходят новые разделы, возникают свои языковые размежевания и конфликты»; «акратическая сфера»; дискурсивного пространства дробится на своего рода аргы («диалекты, кружки, системы»), которые Р

.Барт, заимствуя термин Ницше, обозначает как «фикции». В этом контексте можно говорить о силовых отношениях внутри конкретной дискурсивной среды: так называемая «сильная» языковая система сохраняет свой культурный статус («способна функционировать в любых условиях, сохраняя свою энергию»), независимо от культурного статуса соответствующих «фикций» («вопреки ничтожности реальных носителей языка»), как, например, «системная сила марксистского, психоаналитического или христианского дискурса ни в коей мере не страдает от глупости отдельных марксистов, психоаналитиков или христиан». В

"РАЗДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ"

Автор: словарь
25.07.2009 23:23 -

целом, если энкратический язык как язык массового сознания формальнологически «нечеток», «расплывчат»; в дефинициях и в этом отношении «сила энкратического языка обусловлена его противоречивостью», то важнейшей характеристикой акратического языка, напротив, является его парадоксальность.

Будучи радикально дистанцирован от структур Власти, акратический язык столь же «резко обособлен от доксы (то есть парадоксален)». Важно отметить, что подобная оценка в постмодернистском контексте означает фиксацию креативного характера языкового феномена, его способности к самодвижению и имманентному процессу порождения смысла (см.

Нонсенс, Абсурд).

Согласно бартовской модели, «разделение языков возможно благодаря синонимии, позволяющей сказать одно и то же разными способами», в то же время «синонимия является неотъемлемой, структурной, как бы даже природной принадлежностью языка», в силу чего, как правило, любой конкретно-национальный язык выступает в форме разделенного. Вместе с тем, «война в языке» («война языков») — не имманентна языковому движению, — она возникает лишь тогда, когда «в дело вступает общество со всеми своими социоэкономическими и невротическими структурами», и лишь «там, где различие превращается обществом в конфликт». Пространство языка, таким образом, превращается в «поле брани».

Феномен «Р.Я.» фактически делает невозможной коммуникацию между индивидами, выступающими носителями той или иной языковой версии «разделенного языка»: по оценке Р.Барта, данный феномен, оставляя возможным понимание между подобными субъектами дискурса, фактически означает обрыв коммуникации между ними, — «в общенациональном масштабе мы все понимаем друг друга, но коммуникации между нами нет».

В задающей горизонт дискурсивному пространству определенной культуры «войне языков» соотношения последних определяются на основе критерия «силы». И даже, если акратический язык сознательно дистанцирован от наличной, государственно (или иначе) артикулированной Власти, то это вовсе не

означает, что он дистанцирован от интенций власти внутри себя или лишен властного потенциала как такового. В данном контексте Р.Бартом переосмысливается содержание классического для постмодернистской философии языка понятие *performance*, он трактует его как «демонстрацию аргументов», «представление (в театральном смысле — *show*)... приемов защиты и нападения», главным оружием которых служат своего рода «устойчивые формулы», выступающие базисными для того или иного типа дискурса. В качестве подобных «устойчивых формул» могут выступать не только специальные постулаты той или иной дискурсивной системы, но и концептуально нейтральные грамматические структуры, т.е. «фигуры системности» того или иного языка формируются не по содержательному, но по структурному критерию: фраза как таковая, являясь замкнутой синтаксической структурой, выступает в данном контексте в качестве своего рода «боевого оружия», «средства устрашения», ибо, по Р.Барту, «во всякой законченной фразе, в ее утвердительной структуре есть нечто угрожающе-императивное»: даже дисциплинарно-грамматическая терминология фундирована презумпцией иерархии и власти («управление», «подлежащее», «придаточное», «дополнение» и т.д.). (Собственно, сила или слабость носителя дискурса, его принадлежность к «хозяевам языка» или к «повинующимся хозяевам языка» определяется именно способом построения фразы: «растерянность субъекта... всегда проявляется в неполных, слабо очерченных и неясных по сути фразах...; а с другой стороны, владение фразой уже недалеко от власти: быть сильным — значит прежде всего договаривать до конца свои фразы») Главное призвание «устойчивых формул» («фигур системности») того или иного языка, по оценке Р.Барта, заключается в том, чтобы «включить другого в свой дискурс в качестве простого объекта», т.е. «исключить его из сообщества говорящих на сильном языке» и тем самым обеспечить абсолютную защиту своей дискурсивно-языковой среды/системы.

В качестве типичного примера подобного дискурсивного приема Р.Барт рассматривает психоаналитическую формулу «отрицание психоанализа есть форма психического сопротивления, которая сама подлежит ведению психоанализа». Вместе с тем, Р.Барт подчеркивает, что «война языков» отнюдь не означает и даже не предполагает войны их носителей, т.е. «сталкиваются друг с другом языковые системы, а не индивиды, социолекты, а не идиолекты», — в данном случае имеет место то, что Р.Барт называет «либеральным использованием языка».

В контексте исследования феномена «войны языков» в аксиологической системе постмодернизма в качестве важнейшей проблемы конституируется проблема позиции интеллектуала (по Р.Барту, того, кто «работает с дискурсом») в отношении различных типов языков. Острота этой проблемы определяется тем, что интеллектуал, с одной стороны, в каждой конкретной культурной ситуации неизбежно

"ангажирован одним из отдельных языков", а с другой — не хочет и (в силу своей природы — см. Скриптор) не может отказаться от "наслаждения неангажированным, неотчужденным языком".

Единственным культурным пространством, снимающим этот антагонизм, является, по Р.Барту, пространство текста, ибо "Текст, идущий на смену производству, есть процесс производства письма", процессуальность которого, развертывающаяся "без исходной точки", допускает "смешение разных видов речи", каждый из которых может "рассматриваться с должной театральной дистанции". Это означает, что в пространстве письма "может быть открыто признан фиктивный характер самых серьезных, даже самых агрессивных видов речи", а потому письмо "абсолютно свободно, поскольку... в нем нет почтения к Целостности (Закону) языка" (см. Конструкция, Означивание, Экспериментация).

М.А. Можейко